

Сафонов Д. А. Конструктивное начало в крестьянском протесте: «Красная Армия Правды» в Бузулуке (июль 1920 года) / Д. А. Сафонов // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 398—415. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415.

Safonov, D. A. (2020). A Constructive Beginning in Peasant Protest: “Red Army of Truth” in Buzuluk (July 1920). *Nauchnyi dialog*, 10: 398-415. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415. (In Russ.).

УДК 94(47).084+323.269:63-051(470.56)“1920”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-398-415

КОНСТРУКТИВНОЕ НАЧАЛО В КРЕСТЬЯНСКОМ ПРОТЕСТЕ: «КРАСНАЯ АРМИЯ ПРАВДЫ» В БУЗУЛУКЕ (ИЮЛЬ 1920 ГОДА)¹

© Сафонов Дмитрий Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0003-0882-4592, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет» (Оренбург, Россия), d_safonov@mail.ru.

Рассматривается вопрос о содержании повстанческого протеста 1920-х годов. Актуальность исследования обусловлена сложившейся в историографии тенденцией разработки любого выступления этого периода по двум направлениям: анализ программных и агитационных документов и осмысление процесса подавления протеста. Предлагается выделить аспект реализации программных положений для оценки конструктивного начала в протестном движении: насколько реализуемы были программы восставших, а также насколько восставшим удалось осуществить задуманное. Особое внимание уделяется выступлению «Красной Армии Правды» летом 1920 года, которое автор определяет как «коммунистическое» и просоветское. Представлены результаты сопоставительного анализа источников, которые по своему происхождению имеют отношение к повстанческой среде, и реальных действий повстанцев. Новизна исследования видится в том, что анализ действий повстанцев проводится без оглядки на существующие в историографии стереотипы и с привлечением новых фактов из ранее закрытых источников. Значительная часть планов и лозунгов «Армии Правды» была реализована на подконтрольной территории, что свидетельствует в пользу их реалистичности. Это позволяет взять под сомнение устоявшийся тезис о том, что в тот период коммунистические лидеры в центре предлагали единственно верный вариант построения нового советского государства.

Ключевые слова: повстанчество; цели и лозунги; крестьянский протест; «Красная Армия Правды»; реализация планов; политика военного коммунизма.

1. Введение

Крестьянские выступления в период революции и начавшейся гражданской войны (1918, 1919 годы) оставались в контексте традиционных крестьянских представлений XIX — начала XX веков: выгоним помещиков, выгоним продотрядников — в любом варианте — просто ликвидируем то, что мешает, а все остальное наладится само, в традиционных формах. Повстанцы 1920 года были уже иными — с конструктивными (или не очень конструктивными) идеями: в их лозунгах присутствует не только призыв «дойлой». Реализовать их в полном объеме в итоге не удалось никому: по разным причинам — среди которых преобладание требо-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

ваний «долгой» над требованиями «за»; недостаточная продуманность механизма реализации нового, незавершенность идейных исканий, но все же основной следует полагать жесткую и неумолимую корректировку планов реальностью — неизбежно на первый план выходили боевые действия, военные задачи становились определяющими, и потому первоначальные планы ощутимо корректировались.

Советская историография отказывала большинству «мятежников» в идейности, видя в них лишь «отъявленных извергов, палачей, грабителей» [Трифонов, 1964, с. 130]; «изменников, грабителей и палачей» [Григорьев, 1984, с. 64]. Было более чем очевидно, что подобный сброд не способен к чему-либо созидательному, а если мятежники и провозглашали какие-нибудь лозунги, то они априори объявлялись победителями «безграмотными», «провокационными» и т. п. Подразумевалось, что лозунги никто не собирался воплощать в жизнь, а реальные жесткие меры — в отношении коммунистов, разборы хлеба и т. п. — преподносились как раз как истинные цели мятежников.

В постсоветский период отношение к повстанчеству кардинально изменилось и вполне предсказуемо основное внимание исследователи стали обращать на идейную сторону протеста. Публикация сборников документов, посвященных конкретным массовым выступлениям и отдельным регионам, создала возможности для сопоставления и анализа. Суммируя положения программных документов, обращений, воззваний и т. п., авторы пытались составить цельную картину того, за что выступали повстанцы, чего они желали, как видели справедливое устройство мира в противовес тому, с которым они боролись. Наблюдаемые схожие черты и позиции привели в итоге к созданию версии о единстве повстанческого протеста, единых требованиях и, по логике вещей, одинаковом видении желаемых перемен. В итоге сегодня некоторые исследователи говорят о единой «Программе» восставших [Алешкин, 2011, с. 35—36; Кондрашин, 2013, с. 80—98; Кондрашин, 2018, с. 44; Двойных, 2009, с. 69—72; Двойных, 2010, с. 5]. Нам подобный подход кажется несколько искусственным, поскольку «Программа» не является реальным документом, а рассматривается как нечто собирательное [Кондрашин, 2018, с. 70]: советы без коммунистов, свободная торговля, отмена продразверстки. Иными словами, элементы «Программы» определяются и составляются самими исследователями. Единство протеста аргументируется всеобщей «природой крестьянского сообщества», а также проводимой повсеместно политической военной коммунизма. Далее, по логике — «социальная среда и сходные экономические условия в разных местах породили одинаковые приемы борьбы с властью» [Алешкин, 2011, с. 150]. При этом вся система доказательств строится на сопоставлении достаточно ограниченного количества повстанческих документов из нескольких самых крупных выступлений. Более малочисленные выступления и выступления с требованиями, не вписывающимися в задуманную схему, в большинстве случаев выводятся за условные скобки.

Недовольство политикой, проводимой коммунистами на местах, протест против продразверстки вполне могли наблюдаться по стране, являясь самыми распространенными — но не единственными — причинами выступлений. (Для примера можно упомянуть про выступление Башкирской Красной Армии в 1921 году, среди

лозунгов которой не было требования отмены продразверстки — потому что на территории Башреспублики на тот момент ее не было).

На наш взгляд, допустимо поставить несколько вопросов: насколько реализуемы были повстанческие проекты? насколько повстанцы их смогли реализовать? На современном этапе повествование о любом повстанческом выступлении 1920—1922 годов вольно или невольно распадается на две условные части: рассказ о взглядах / лозунгах / агитационных документах повстанцев и рассказ об их разгроме, обычно с концентрацией внимания на последнем. Слова и дела рассматривались несколько отстраненно друг от друга, поскольку реальность каждого выступления была такова, что непосредственная борьба повстанцев с правительственными войсками в итоге достаточно скоро становилась основной задачей, определявшей в итоге все, корректировавшей лозунги, тактику, а возможно, и стратегию восставших.

Определенная информация о действиях повстанцев — раздача крестьянам хлеба из ссыпунктов, перевыборы советов и т. п. — имеется в распоряжении исследователей. Однако практически никто из них не попытался проанализировать именно те конструктивные шаги, которые можно было бы уверенно полагать попытками реализовать, воплотить в жизнь заявляемые лозунги, выстроить новое, более справедливое, по их представлениям, общество.

В каждом конкретном выступлении варьировался временной зазор между собственно началом выступления и началом боевых действий с карателями; в течение такого создавалось определенное окно возможностей для реализации лозунгов, целей, воззрений. Некоторые возможности, сохранялись и впоследствии, но уже в условиях жесткого военного противостояния. Так, отряды Серова зимой 1921/1922 годов, перемещающиеся по заснеженной степи от поселка к поселку, преследуемые карательными войсками, тем не менее, меняли в занимаемых на время поселениях состав советов.

Следует указать на очень важный момент. Даже удивительно, что советская и современная историографии, по сути занимающие полярно противоположные позиции в оценке происходившего в целом и воззрений повстанцев, в частности, достаточно неожиданно сходились в видении хода выступления — любого: начало, некоторые временные успехи и растянувшийся во времени процесс разгрома выступления — поэтапно, шаг за шагом.

В немалой степени это, как нам кажется, связано с источниковой базой: основная информация о выступлениях — оперативная, то есть зафиксированная в сводках, телеграммах, донесениях. При этом названные документы имели задачи и цели, никак не связанные с задачами исторического исследования. Иными словами, они сообщали исключительно о действиях по ликвидации «мятежа». Потому из всех сведений о выступлениях больше всего данных именно об этом. На самом же деле все было значительно сложнее. Достаточно ярко это видно на примере выступления «Армии Правды» Сапожкова. В архивном фонде Управления войск ВЧК (в РГВИА) имеется документ, датированный сентябрем 1920 года, направленный начальнику оперативного управления штаба войск внутренней охраны республики: карта «Сапожковского восстания» и «легенда» к ней [РГВИА, д. 905]. Ход воен-

ных действий описан сухим деловым языком без дежурных и обязательных пропагандистских штампов. И если пропаганда поддерживала версию, что сапожковцы каждом бою несли огромные потери и каждый раз сумевшая сбежать небольшая часть через некоторое время вновь достигалась и вновь попадала под очередной удар, то данный документ ограниченного доступа и высокого уровня секретности свидетельствовал, что никакого обреченного бегства «мятежников» не было — сапожковцы до последнего успешно сопротивлялись, коммунистические войска не раз терпели поражение и отступали.

Между тем уход повстанцев из какого-либо населенного пункта или даже района — совсем не обязательно бегство, как, впрочем, и преследование их не есть очевидное свидетельство успехов преследователей. В первом случае уход мог быть напрямую связан с трудностями и возможностями снабжения, а во втором преследователи нередко (во всяком случае, применительно к близкому нам региону Южного Урала, таковое отмечалось неоднократно) не спешили вступить в боевой контакт.

Не ставя перед собой задачи анализа эффективности повстанческих выступлений в целом по стране, коснемся одного — на наш взгляд, наиболее успешного. Речь идет о выступлении А. Сапожкова. Если брать только факты, то произошло следующее: А. Сапожков, командовавший 9-ой кавдивизией, 14 июля 1920 года объявил ее «Красной Армией Правды». К вечеру того же дня был занят г. Бузулук (примерно в 25 км от основного места дислокации дивизии). 16 июля Бузулук был оставлен; повстанцы стали отходить на юго-запад, преследуемые коммунистическими войсками, превосходящими их в несколько раз. Основной разгром «Армии» произошел 1 августа, сам Сапожков погиб в бою 5 сентября.

2. «Красная Армия Правды» как объект исследования

Выступление «Армии Правды» имеет достаточно обширную историографию — детально она проанализирована нами в статье 2018 года [Сафонов, 2018]. Поэтому мы не видим необходимости повторяться, отметим только несколько основных положений. В советском периоде историография отсчитывалась от, без преувеличения ставшей базовой, статьи Р. Таубина, где в принципе было все — изложение хода событий и их оценка [Таубин, 1934]. Справедливости ради стоит указать, что факты были им взяты из книги В. Троцкого и А. Демидова «1920 год в Средневожском крае» (1934) [Троцкий и др., 1934]. Концепцию выступления, утвердившуюся на десятилетия, также создал не Р. Таубин. Хронологически первым источником является воззвание Бузулукского ревкома, созданного сразу после «изгнания» «Армии Правды» из Бузулука. В нем, в частности, сообщалось, что «во имя своих интересов, своего самолюбия пьяная компания из комсостава 9 кав-дива в лице начдива Сапожкова, комбрига Зубарева, комполка Плеханова и некоторых других поднял вооруженное восстание против Советской власти <...> Пользуясь растерянностью одних и несознательностью других эта банда захватила город Бузулук в свои руки: энергично начала его грабить, выкачивая все продовольственные склады, захватила 340 миллионов из казначейства, отрезала важный железнодорожный пункт Ташкент-Москва, задержала эшелон красноармейцев,

следующих на Запфронт, ограбив у них все продовольствие. Свершая такое облегчение продовольственного затруднения для пролетариата, пьяная банда решила посмеяться над незащищенным городом, собрав митинги в саду и на площади, где после ряда бессмысленных погромных речей о том, что “армия правды” не против Советской власти, а только против неправильной политики Советской власти и поэтому предлагает всем выпущенным дезертирам записываться добровольцами дабы бороться с неправильной политикой центра» [СОГАСПИ, д. 333, л. 15—16]. Все советские публикации повторяли сообщения о грабежах и пьянстве почти слово в слово, впрочем, без ссылки на источник.

В самой упрощенной форме происходившее представлялось так — все дело в личных амбициях, нездоровой психике, гоноре, пьянстве А. Сапожкова и его ближайшего окружения. Можно присовокупить сюда же факт, что Сапожков был какое-то время эсером — по советским меркам это было гарантированной «черной меткой». Все это сподвигло его на ряд решительных, но непродуманных, действий — в частности, занятие небольшого города Бузулука, ближайшего к месту дислокации дивизии. Занятие города было едва ли не единственным успехом мятежников: что делать дальше, они не представляли. Потому всё, на что их хватило, — грабежи (поезда, складов, казначейства), беспробудное пьянство, проведение пары «бессмысленных» митингов. И когда советские войска вернулись, то сапожковцы едва ли не с облегчением поспешно покинули город. Дальнейшая история выступления — постоянное отступление мятежников, преследуемых советскими частями, разгром за разгромом — и в итоге гибель самого Сапожкова.

Тем не менее кажущаяся очевидной в своей бессмысленности авантюра не была предана забвению, но постоянно упоминалась в трудах и публикациях. Вероятно, причиной было то, что это выступление упоминалось в партийных документах, в частности в стенограмме X съезда партии. А. Г. Зверев, бывший министр финансов СССР, в своих мемуарах приводил следующие положения, со ссылкой даже на конкретную страницу публикации стенограммы [Десятый съезд, 1963, с. 285]: «Позднее X съезд РКП(б) резко осудил их позицию и констатировал, что в условиях подрывной деятельности этих оппортунистов “сапожковщина” как кулацкая оппозиция прямо сомкнулась с “рабочей оппозицией” и явилась одной из предвестниц движений типа “антоновщины”» [Зверев, 1973, с. 17].

Качественные перемены в освещении выступления по понятным причинам начались в постсоветский период, когда на время открылся доступ к ранее закрытым фондам карательных учреждений, где и находились основные документы повстанцев. Впервые новые архивные данные по «сапожковщине» были привлечены С. А. Павлюченковым в 1996 году; он полагал выступление в определенном смысле вынужденным — по его мнению, на учреждение своей власти Сапожков пошел только тогда, когда Бузулукский совет отказался исполнить его требования [Павлюченков, 1996, с. 256—257]. Затем были опубликованы программные документы «Армии Правды» — в 1999 году [Сафонов, 1999] и 2002 году [КДВП]. После этого «сапожковщина» однозначно была причислена к «крупнейшим крестьянским восстаниям» в годы гражданской войны [Двойных, 2010, с. 3], «самым значительным

крестьянским восстаниям против советской власти в условиях политики военного коммунизма» [Алешкин и др., 2010, с. 151]. А документы «Армии Правды» были безусловно включены в качестве аргументов в упоминаемую выше «Программу».

В настоящее время в литературе можно выделить три варианта подходов к оценке выступления Сапожкова.

Первый: это серьезное идейное выступление. Основное внимание исследователи уделяют именно лозунгам и призывам восставших. В. В. Кондрашин в своей монографии о крестьянском движении в Поволжье в 1918—1922 годах проанализировал лозунги и программные документы повстанцев [Кондрашин, 2001]. Показательно, что ход самого выступления он рассматривал в главе «Подавление крестьянского движения». К этому же варианту можно отнести работы уже упомянутых выше авторов, рассматривавших данное выступление как важное проявление идейного протеста в рамках «Программы».

Второй, несколько перекликающийся с мнением историографии советской: выступление было инициировано рядом субъективных факторов. По мнению Ю. Аншаковой, «восстание назревало, с одной стороны, при условии общего недостатка, холода и нищеты в рядах красноармейцев и, с другой, — обжорства, пьянства и разврата и полной оторванности высшего командования и политруководителей округа от масс и в отсутствии политической работы в Армии» [Аншакова, 2006, с. 776—777]. Интересно, что так она писала в 2006 году, хотя ранее, в 1998 году, она утверждала иное: «Мятеж имел те же цели и лозунги, что и чапанная воля и восстание “Черный орел”: отмена продразверстки, введение вольной торговли, установление демократических порядков, уничтожение коммунистической диктатуры» [Аншакова, 1998, с. 9].

И, наконец, третий вариант: позиция Ю. А. Ильина, назвавшего выступление «военно-крестьянским мятежом», причем антикоммунистическим. Он считает, что это было выступление красноармейцев, которому Сапожков и его окружение придали «должную организацию», а крестьянство «приземлило» программу до «насущных требований единоличной деревни» [Ильин, 2011].

Мы солидарны с позицией большинства авторов, дающих этому выступлению высокую оценку. Но при этом мы не согласны с оценкой выступления как антисоветского и антикоммунистического, а также не разделяем уверенности сторонников повстанческой «Программы» относительно типичности его. В последнем случае мы полагаем, что это, напротив, было уникальное по своей сути выступление, не имевшее аналогов; хотя, разумеется, имевшее определенные схожие черты с иными.

3. Особенности выступления «Красной Армии Правды»

Мы, разумеется, учитываем, что данный тезис должен вызывать глубокое сомнение, поскольку существующая историографическая традиция безвариантно включает это выступление в число прочих крестьянских и повстанческих выступлений 1920 года, с теми же недовольством продразверсткой, протестом против коммунистов, вооруженным сопротивлением, требованиями и лозунгами. Между тем в данном случае налицо серьезные отличия. Прежде всего, оно не было ни антиком-

мунистическим, ни антисоветским. Нами собраны и изучены все отмеченные в источниках лозунги «Армии Правды», и потому можно ответственно утверждать, что лозунга «За Советы без коммунистов» среди них не было; тезис об этом появился в литературе и публикациях мемуаров не ранее второй половины 1950-х годов [Сафонов, 2019]. Более того, выступление было «за» Советскую власть; достаточно обратиться к документам «Армии Правды», чтобы увидеть, что желаемые повстанцами перемены никак нельзя оценить как кардинальные; речь шла о корректировке общегосударственного курса без изменений в политической системе. Вышеприведенная цитата А. Г. Зверева о якобы данной на съезде оценке «сапожковщины» как кулацкой оппозиции на самом деле ложна. Приведенных им слов на указанной странице стенограммы нет. Выступление Сапожкова действительно было там упомянуто, причем как «главная опасность» (слова военного комиссара Полевого штаба РВСР К. Х. Данишевского), но в ином контексте и с иным содержанием. «Опасность» заключалась в появлении коммунистического протестного движения: «критика советской политики, советского строительства, советской системы перешла в критику с оружием в руках» [Десятый съезд ..., 1963, с. 285]. Среди документов следственного дела по данному выступлению есть один, который можно определить как аналитический отчет, составленный, вероятно, кем-то из партийных работников Бузулука. В нем есть показательные моменты: «Главарями восстания оказались, если не считать самого Сапожкова, поголовно коммунисты» [Документ ..., 2013, с. 576]; «Восстание, возглавляемое целым сонмом “коммунистов”, да еще под лозунгом “Да здравствует РКП, да здравствует IV Интернационал, долой лжекоммунистов” вещь у нас, как кажется, еще небывалая» [Документ ..., 2013, с. 576]. И эти суждения, и ряд иных убедительно свидетельствуют в пользу того, что данное выступление, если и определять, то как прокоммунистическое и просоветское.

Активные боевые действия, вооруженное сопротивление повстанцами изначально не планировались. Контраргументом, казалось бы, может послужить упоминание о «вооруженном восстании» в резолюции, принятой 13 июля: «Видя неправильную политику центра, в которой ясно видно преднамеренное проявление идеи белогвардейщины, постановили: немедленно *вооруженным* восстанием заявить протест и потребовать изменения политики, которая бы действительно велась в интересах бедного населения республики» [Архив УФСБ, т. 11, л. 759]. С другой стороны, тема организованных в Бузулуке митингов была «Причины *политического* восстания» [Архив УФСБ, т. 11, л. 564]. Упоминания о вооруженной борьбе, что показательно, были сделаны позже, когда уже начались боевые действия. Поначалу расчет строился именно на демонстрации несогласия, привлечении внимания, ожидаемом резонансе от происходящего и последующей поддержке. В немалой степени поэтому повстанцы ушли из города с приближением карательных частей — настолько поспешно, что ряд командиров «Армии», своевременно не предупрежденных об отходе, остались в городе. Как нам кажется, Сапожков не планировал и не собирался сражаться с частями Красной Армии — своими товарищами по оружию. Заявления о том, что он-де через два дня возьмет Самару, через две недели поднимет Поволжье и т. п., есть не что иное, как вера в то, что части будут просто переходить на

его сторону. И сам Сапожков неоднократно призывал не творить зла, напрасно не расстреливать и т. п., да и сами красноармейцы его «Армии» не испытывали к тому особого желания. С взятymi в плен красноармейцами вели разъяснительные беседы. Потому же при столкновениях с передовыми частями карателей восставшие первым делом направляли туда агитаторов. Они не были готовы воевать со своими, никакого противопоставления «наши — не наши» не было; а вот карательные части были четко сориентированы, что в Бузулуке — враги, творящие непотребство.

Занятие города Бузулука вовсе не было бессмысленной авантюрой, как принято считать. Единственная железнодорожная линия связывала Москву и Ташкент, проходя через Самару, Бузулук, Оренбург. В период гражданской войны, в 1919 году, удержание красными Оренбурга имело, помимо политического, еще и стратегическое значение. Несколько позднее местные авторы и мемуаристы даже пытались ввести в историю гражданской войны понятие «Оренбургская пробка», подчеркивая важность таковой, но поддержки в общегосударственном масштабе инициатива тогда не получила. Разрушение дороги — прежде всего мостов — создавало серьезные проблемы, и только к концу весны 1920 года движение из центра в Среднюю Азию было восстановлено. Так что новое перекрытие дороги было таким действием, проигнорировать которое центр никак не смог бы. Для этой цели подходила в принципе любая станция; Бузулук был ближе всего от места дислоцирования дивизии. Кроме того, в нем постоянно находились штаб будущей мятежной дивизии, ее политотдел и особый отдел.

Занятие Бузулука произошло практически без боя (некоторое количество винтовочных выстрелов и шесть выстрелов из пушек с обеих сторон действительно имели место; в итоге несколько погибших со стороны наступающих, и ни одного погибшего со стороны обороняющихся). Однако Сапожков и не планировал входить в город с боем; впрочем, и обороняющиеся не имели достаточно сил для обороны. И, как оказалось, и желания — в документах отражено, что сапожковцы прошли через залегшую цепь защитников города, двигаясь в полный рост, без оружия, держа перед собой партийные билеты. Это позднее была создана легенда о якобы имевшем место ожесточенном сопротивлении «мятежникам». Как, впрочем, и о якобы имевших место расправах. На деле все, несогласные с повстанцами и их лозунгами, смогли беспрепятственно покинуть город. Арестованных несогласных с Сапожковым командиров он вновь и вновь пытался переубедить присоединиться к протесту.

Таким образом, Бузулук избежал смуты первых дней смены власти — со сведением счетов, поимкой скрывающихся противников, мщением победителей (кстати, несколько попыток подобного было сапожковцами пресечены, причем исходивших со стороны горожан) — всего того, что наблюдалось, например, в Оренбурге в январе 1918 года, когда туда вошли «красные». Несколько позднее председатель Оренбургского горисполкома А. Коростелев весьма выразительно определил первую неделю «самой горячей»: лишь к концу ее «утихли первые всплески революционной волны» [Смычка]. В данном же случае никаких «всплесков» не было. Практически все, кто давал показания о событиях в Бузулуке, признавали, что никаких насилий над коммунистами или местным населением не было.

Повстанцы смогли не только сформулировать и провозгласить свои цели и намерения, но и начать реализовывать их в условиях, когда «военной составляющей» практически не было, то есть сразу перейти от слов к делу. Бузудук был в руках «мятежников» почти три дня — «Армия Правды» вошла в город 14 июля, оставила его 16-го. На первый взгляд, срок небольшой. Но если проанализировать, что было за это время сделано, без ангажированности и изначального посыла об авантюристах и бандитах, то картина складывается достаточно показательная.

Начнем с главного — определения того, что лидеры «Первой Армии Правды» полагали необходимым сделать для изменения жизни к лучшему.

4. Цели и планы повстанцев

Имеющиеся в распоряжении исследователей сегодня документы из лагеря повстанцев: приказ № 1 [СОГАСПИ, д. 214, л. 1], резолюция заседания комсостава дивизии 14 июля [СОГАСПИ, д. 333, л. 1], обращение РВС «Армии Правды» «Ко всем трудящимся и красноармейцам» [КДВП, с. 520—521], воззвание «Ко всему беднейшему, обиженному и угнетенному крестьянству и рабочему населению Российской Республики» [КВДП, с. 527—528], приказы по городу Бузудуку [Архив УФСБ, т. 11, л. 499, 500; т. 17, л. 13], «Декларация прав человека и гражданина Красной Армии Правды» [Архив УФСБ, т. 11, л. 495] — позволяют получить представление о целях и планах повстанцев. Базовый тезис заключался в том, что в стране введено «неправильное государственное правление», у власти оказались некоторые буржуазившиеся члены партии, на руководящие посты прошли представители буржуазии и «старого» офицерства, идеалы Октябрьской революции преданы, и потому нужно потребовать от правительства изменить проводимую политику под лозунгом «Вся власть Советов действительна по программе партии большевиков на основе конституции» [СОГАСПИ, д. 214, л. 1].

Предполагались следующие конкретные шаги: немедленно убрать с должностей «всех вредных для трудящихся спецов»; отпустить всех политических заключенных, «за исключением белогвардейцев»; ввести правильное распределение предметов необходимости среди населения — разрешить свободную торговлю; провести переборы советов с тщательной фильтрацией всех советов и исполкомов «от присосавшегося буржуазного элемента»; произвести тщательную перерегистрацию членов партии в соответствии с указаниями ЦК; упразднить органы ЧК, передав их функции охраны правопорядка милиции; упразднить все существующие продовольственные органы, кроме кооперативов; всю торговлю и промышленность передать государству; упразднить институт военных комиссаров с целью установления единоначалия в армии, ликвидировать в частях особые отделы и политотделы, уездные комиссии по борьбе с дезертирством, ввести комплектацию армии на добровольной основе.

Теперь рассмотрим — что из этого было сделано.

5. Конкретные действия повстанцев в Бузудуке

Действия повстанцев в занятом городе были спокойны, миролюбивы и последовательны. Практически все, дававшие позднее показания в трибунале или описывав-

шие «мятеж» в Бузулуке, в обязательном порядке сообщали о бесчинствах и грабежах; но как-то общо, без деталей — как нам кажется, по причине невозможности привести таковые. И наоборот, в отчетах закрытого типа, то есть не для широкой публики, чекисты отмечали дисциплину и порядок: «Характерно, что во время ликования сапожковцев в городе поддерживался образцовый порядок» [Павлюченков, 1996, с. 257].

В Бузулукском уезде налицо были серьезные проблемы: надвигающийся голод, параллельно усиливающиеся жесткие действия властей по сбору продрозверстки и не менее жесткие репрессии властей в отношении дезертиров — уклонение от призыва носило массовый характер. Военком уезда был обвинен в саботировании призыва, и, стараясь оправдаться, он действовал достаточно решительно. В первом случае конфликт из-за чрезмерных мер розверстки приобрел широкий резонанс; жалоба Костинского волостного съезда советов на неправильные действия райпродкома дошла до центра. Для разрешения конфликта в Бузулук был направлен нарком земледелия С. П. Середа, прибывший, по случайному совпадению, в первый день «мятежа». Во втором — массовое уклонение от призыва повлекло за собой массовые аресты, тюрьма была переполнена.

Обе проблемы сапожковцами были решены практически сразу же: с лозунгами отмены продрозверстки они вошли в город, и уже на следующий день в Бузулуке развернулась свободная торговля. Все арестованные, содержащиеся в тюрьме и в монастыре, используемом как место заключения, были освобождены.

Декларируемое очищение партийных рядов реализовано не было — как специально начатое мероприятие; но де-факто оно происходило. Несогласные с призывами повстанцев члены партии — как в самом Бузулуке, так и в дивизии — фактически самоустраились, покидая город и ряды повстанческой Армии. Как показал позднее на допросе бывший работник политотдела мятежной дивизии Г.Суриков, «в дивизии Сапожкова остались одни честные идейные борцы» [Архив УФСБ, т. 7, л. 57].

Задерживаться надолго в Бузулуке Сапожков явно не планировал — город был только перевалочным пунктом. На направление дальнейшего движения, как нам кажется, указывает обращение РВС «Армии Правды» «Ко всем трудящимся и красноармейцам», адресованное предметно к «гражданам Уральской области, Самарской и Саратовской губерний» [КДВП, с. 520—521].

Пребывание в Бузулуке было использовано для укрепления дивизии в организационном и имущественном отношениях. К 1920 году Красная Армия перестала быть той, которой создавалась изначально — как добровольческое объединение по классовому признаку, теперь она пополнялась через призыв, что и создавало массу проблем с дезертирами. Успешность Красной Армии на заключительном этапе гражданской войны в европейской части страны уменьшила ценность прежних союзников — полевых командиров, крестьянских партизанских вожаков (Думенко, Чапаев, Щорс, Котовский и ряд иных — в том числе и Сапожков). Очень нужные как союзники ранее, в трудное время, они стали потенциально опасными коммунистической власти из-за своей харизматичности, поддержки в массах, авторитета в созданных ими крестьянских частях и нежелания и неготовности полностью подчиниться коммунистам. Выход был в их отстранении от командования или ликви-

дации (некоторые из названных погибли в годы гражданской, иные — вскоре по ее окончании). Армия была пронизана сетью осведомителей политотделов, доносы были объявлены долгом каждого коммуниста. Военные комиссары осуществляли полный контроль над командирами; на руководящие посты стали привлекаться офицеры «старой» армии. Одной из причин «мятежа» все авторы всегда полагали отстранение А. Сапожкова от должности с заменой его на полковника Стасуя.

Поэтому Сапожков восстановил единоначалие в своей армии, ограничив полномочия комиссаров, ликвидировал политотделы как главный орган слежки и надзора за военнослужащими, ликвидировал особые отделы, приводившие в исполнение приговоры трибуналов.

В «Армию Правды» брали только добровольцев: на момент выступления «Армия» насчитывала до 3 тыс. человек, на следующий день прибавилось 100 чел. добровольцев в с. Гришкине, и еще около 1000 человек дали дезертиры и добровольцы в Бузулуке. Была предпринята попытка начать формирование в районе Пугачевского уезда т.н. «2-й дивизии Армии Правды», на что было выделено три миллиона руб. Позднее отряд под названием «2-ая Армия Правды» был создан в районе станции Рассыпной и Сорочинской (Бузулукский уезд).

Однако кажущийся успех оказался временным. Высказывая на словах одобрение и поддержку сапожковцам (причем мы допускаем, что достаточно искренне), крестьянские массы не рвались братья за оружие. Как следствие, приказом Штаба от 21 июля дезертирам аккуратно «предлагалось явиться в Штаб» для несения службы [СОГАСПИ, д. 210, л. 2], а в августе сапожковцы были вынуждены проводить мобилизации — дошедшие приказы мало чем отличаются от аналогичных коммунистических властей. Так, «укрывающим от мобилизации» грозили расстрелом без суда и следствия [Архив УФСБ, т. 11, л. 146].

За короткий срок был завершён сбор военного имущества, оружия и снаряжения — этот процесс начался ранее, до выступления 14 июля; дивизия готовилась к отправке на Западный фронт. Теперь всем учреждениям, «которые довольствовались войсковые части до 14 июля», было приказано продолжать работу. На ст. Погромная были остановлены два эшелона, идущие на Западный фронт. Солдаты были разоружены и распушены, отобранным оружием вооружили крестьян с. Погромного [СД, с. 279]. В дальнейшем авторы обязательно упоминали о деньгах, привезенных поездом из Москвы и попавших к сапожковцам, грабеже ими военного имущества со складов. На самом деле и на деньги, и на имущество обязательно оставлялись оправдательные документы, типа: «Расписка. Дана настоящая расписка члену закупочной комиссии Ревтрударма 2 тов. Гураеву в том, что действительно у него взято шестьдесят шесть лошадей (66 л.) в армию “Правды”. Командующий восставшими войсками Правды А. Сапожков. Начштарма Мулюкин. 9 августа 1920 года» [Архив УФСБ, т. 7, л. 124]. В Саратов за снаряжением был направлен помощник начальника дивизии И. Г. Шмидт, на станцию Урбах для встречи груза, следующего из Саратова в адрес дивизии, командирован Петр Елатов. Они оба были перехвачены чекистами [СД, с. 281].

Несмотря на кажущееся достаточным количество источников, сообщавших о взглядах повстанцев, стоит указать, что значительная часть их осталась известной

ограниченному числу причастных к выступлению. О своих взглядах сапожковцы оповещали население в особых приказах и объявлениях, в выступлениях на митингах, на собраниях рабочих и служащих. Митингов было несколько; по приказу Сапожкова на них в обязательном порядке выступали члены РВС «Армии Правды»; завершались они исполнением «Интернационала». Все комментаторы не скупились на ехидные слова, стараясь представить выступления на митингах как нечто нелепое и убогое. Косвенно же они признавали положительный эффект таковых. Так, уездный военный комиссар С. Д. Сучков писал позднее: «Демагогическими лозунгами и богатыми посулами им удалось обмануть членов партии и рядовых бойцов» [НАБГКМ, л. 81]. Наиболее эффективным, на наш взгляд, был митинг в монастыре с участием освобожденных дезертиров — после него они разошлись по домам, близлежащим деревням — иными словами, понесли информацию дальше.

При штабе был создан специальный агитационный отдел, по свидетельству очевидцев, «пользовавшийся большим успехом» [ОГАСПИ, д. 175. л. 6]. По деревням были разосланы группы лиц с деньгами для распространения идей и поднятия восстания (д. Липовка, Проскурино, Старо-Александровка).

Сапожковым была организована рассылка писем к потенциальным союзникам, к тем, с кем он был знаком и на чью поддержку рассчитывал. Из перехваченных чекистами писем известны адресаты Е. П. Почиталин, командир 1 Уральского Казачьего советского полка, Г. Е. Африн, начальник милиции 7 Больше-Глушицкого района Пугачевского уезда [Архив УФСБ, т. 7. Л. 493].

Сапожков пользовался поддержкой и в иных местах. Чекисты утверждали, что весь особый отдел Трудармии 2, находящийся в Новоузенске, выразил сочувствие восставшим. 19 июля в Ток-Чуранском кантоне Башеспублики был выявлен «контрреволюционный» отряд, имевший связь с Бузулуком. «Заговорщики» начали формирование добровольческих отрядов, за один день увеличив свою численность со 100 до 700 чел. [Троцкий, 1934, с. 124].

6. Конструирование советской власти

Учитывая, что пребывание в Бузулуке планировалось кратковременным, руководство «Красной Армии Правды» поначалу не вникало в дела города. Обращаясь к местным советским структурам, РВС объявлял: «Реввоенсовет просит не бояться и не волноваться, те, которые не могут идти с нами, пусть продолжают свою работу, те же, которые желают быть с нами, — “милости просим”» [КДВП, с. 520—521]. Однако к вечеру первого дня обнаружилось, что большинство советских работников бежало. Как свидетельствовал рабочий А. П. Кузнецов, на собранном сапожковцами митинге «нашего начальства никого не было, и мы не знали, кто где» [НАБГКМ, л. 116—117]. Так повстанцам пришлось брать на себя вопросы управления. Было объявлено о заседании всех профсоюзных организаций 16-го июля и о необходимости создать гражданскую власть [Архив УФСБ, т. 7, л. 3]. Повстанцы объявили свое видение выборов: их нужно произвести по Советской конституции, с поправкой, что «избирать и быть избираемым может быть лишь тот, кто в 1914 году имел состояние не свыше, чем на сумму чем 10 тысяч рублей» [Архив УФСБ, т. 11, л. 495].

Больше в процесс выборов сапожковцы не вмешивались; показательно, что в новый исполком были избраны двое ранее арестованных сапожковцами при занятии города. Исполком сразу создал комиссию по освобождению политзаключенных, которая потребовала их освобождения [Архив УФСБ, т. 17, л. 6 об.]. Список кандидатов составлялся не по партийности, а из «активных работников-профессионалистов». Никаких преимуществ, вроде предварительного фракционного заседания членов партии, у коммунистов не было, «коммунисты заседали все время с беспартийными» [Документ ..., 2013]. В итоге был создан исполком из 15 человек, где коммунисты составили около половины состава. Председателем стал коммунист Русаков. В итоге, по свидетельству чекиста В. И. Чекурина, Сапожков создал «обстоятельную советскую власть в Бузулуке» [ФГАООБ, л. 58]. После ухода «Армии Правды» вернувшиеся в город коммунисты создали ревком, но исполком продолжал работать. 3 сентября поступил приказ из Самары об аресте всех его членов как причастных «к контрреволюции», но даже ревком отказался их арестовывать [Архив УФСБ, т. 17, л. 16] (впрочем, на следующий день все они были арестованы и препровождены на следствие в Самару [Архив УФСБ, т. 17, л. 22]).

7. Выводы

Анализ действий сапожковцев в Бузулуке дает основание для принципиального вывода: им удалось реализовать почти все из провозглашенного — разумеется, то, что можно было сделать на локальном уровне. При этом перемены были восприняты населением более чем одобрительно. Засланный в Бузулук чекист Булышев, которого сложно было подозревать в симпатиях к «мятежникам», тем не менее констатировал: «Настроения у массы населения г. Бузулука — все на их стороне, особенно по деревням среди крестьянства» [КВДП, с. 523]. Возможно ли было поднять другие регионы? Вряд ли подобные настроения были свойственны исключительно Бузулукскому уезду. Получается, что идея повстанцев идти и поднимать народ не такая уж и авантюрная. Сапожков и его сторонники бывали в разных местах страны и потому явно имели свое видение происходящего; массы были готовы к переменам. Отсюда вопрос: почему основная масса крестьян все же не присоединились к сапожковцам — одобряя их действия, солидаризуясь с ними, но все же не берясь за оружие? Мы полагаем, что причина тому — усталость от затянувшейся войны. Именно поэтому всеобщее недовольство власти в итоге удалось удержать под контролем. Информационных возможностей Сапожкова не хватило для распространения своих идей и влияния на большие территории.

Касаясь вопроса крестьянского протеста, следует указать несколько моментов. Первое и основное — протест стал более рациональным, требования конкретными. То, чего требовали и желали восставшие, в принципе было возможно осуществить, и выступление «Армии Правды» тому прекрасное подтверждение. Возникает иной вопрос: можно ли теперь называть подобный протест крестьянским? Разумеется, учитывая, что требуемые перемены, вроде отмены продразверстки, жизненно волновали именно крестьян, как еще именовать подобный протест? Но, с другой стороны, традиционно крестьянские требования из-за их локального происхожде-

ния были всегда малореализуемы; теперь мы имеем дело не с крестьянскими, а повстанческими требованиями; определение таковых как крестьянских — более дань традиции, а также скорее логическое построение: основная масса протестующих — из деревни.

Сапожковцы продемонстрировали, что отказ от самых одиозных и раздражающих элементов проводимой коммунистами политики — разверстки, демонстрации особого статуса членов партии и иных — не просто возможен, но осуществим без каких-либо перемен в общем курсе строительства социализма, без ущерба для идеологии. Отсюда возникает логичный вопрос: понимали ли это коммунистические лидеры в центре? Почему они упорно держались за самый жестокий вариант развития? И второй вопрос: если вред продразверстки видели командиры и политотделы мятежной дивизии, то этого не могли не видеть другие в Красной Армии. Тогда почему они не поддержали протест, а активно участвовали в подавлении? Но эти очевидно возникающие вопросы выходят за рамки заявленной нами темы.

Источники и принятые сокращения

1. Архив УФСБ по Оренбургской области. Д. 13893.
2. Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. — Москва : Госполитиздат, 1963. — 915 с.
3. Зверев А. Г. Записки министра / А. Г. Зверев. — Москва : Политиздат, 1973. — 270 с.
4. КДВП — *Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг. : документы и материалы* / ред. В. Данилов, Т. Шанин. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 944 с.
5. НАБГКМ — *Научный архив Бузулукского городского краеведческого музея. Коллекция воспоминаний старых большевиков, красногвардейцев и красных партизан — участников гражданской войны (1917—1921 гг.)*. — Том 2.
6. ОГАСПИ — *Оренбургский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 175.
7. РГВА — *Российский государственный военный архив*. Ф. 42. Оп. 1. Д. 905.
8. Сафонов Д. А. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) : публикация / Д. А. Сафонов // *Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сборник статей и материалов*. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 564—578.
9. СД — *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939 : документы и материалы*. В 4 томах. Том 1. 1918—1922 гг. / ред. А. Берелович, В. Данилов. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 864 с.
10. *Смычка (Оренбург)* : газета. — 1927. — 7 ноября.
11. СОГАСПИ — *Самарский областной государственный архив социально-политической истории*. Ф. 1. Оп. 1.
12. ФГАООБ — *Филиал Государственного бюджетного учреждения Государственный архив Оренбургской области в г. Бузулуке*. Ф. 389. Оп. 1. Д. 43.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкин П. Ф. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствия (1918—1922 гг.) / П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев. — Москва : Голос-Пресс, 2010. — 575 с.
2. Алешкин П. Ф. Типологическая общность крестьянского протестного движения в России в 1918—1922 гг. / П. Ф. Алешкин // *Крестьянство и власть в истории России XX века* :

сборник научных статей участников Международного круглого стола (Москва, 12 ноября 2010 г.) / ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разин. — Москва : АПР, 2011. — С. 35—47.

3. *Анишакова Ю. Ю.* Армия «Правды» начдива Сапожкова / Ю. Ю. Анишакова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2006. — Том 8, № 3. — С. 769—780.

4. *Анишакова Ю. Ю.* Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918—1920 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Ю. Ю. Анишакова. — Самара : СГУ, 1998. — 19 с.

5. *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920—1922 гг.) / В. К. Григорьев. — Алма-Ата : Казахстан, 1984. — 176 с.

6. *Двойных А. В.* К вопросу о политической программе крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны / А. В. Двойных // Вестник СамГУ. — 2009. — № 7 (73). — С. 69—72.

7. *Двойных А. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. В. Двойных. — Пенза, 2010. — 25 с.

8. *Ильин Ю. А.* Антикоммунистическое движение среди красноармейцев-крестьян в 1920 г. — начале 1921 г. [Электронный ресурс] / Ю. А. Ильин // На пути к гражданскому обществу. — 2011. — № 1-2. — Режим доступа: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. (дата обращения: 16.06.2020).

9. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. / В. В. Кондрашин. — Москва : Янус-К, 2001. — 543 с.

10. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 575 с.

11. *Кондрашин В. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны / В. В. Кондрашин // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сборник статей и документов. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 80—98.

12. *Кондрашин В. В.* О достижениях и проблемах современной отечественной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны / В. В. Кондрашин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2018. — Том 24, № 1. — С. 39—45.

13. *Павлюченков С. А.* Крестьянский брест, или Предыстория большевистского нэпа / С. А. Павлюченков. — Москва : Русское книгоизд. тов-во, 1996. — 299 с.

14. *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал / Д. А. Сафонов. — Оренбург : Оренбургская губерния, 1999. — 316 с.

15. *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение в годы Гражданской войны на территории Южного Урала: состояние и проблемы современной российской историографии / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (28). — С. 205—251. — DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.17.

16. *Сафонов Д. А.* Лозунги повстанческой «Красной Армии Правды» А. Сапожкова: к проблеме единства лозунгов повстанцев 1920-х гг. / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (32). — С. 151—166. — DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.11.

17. *Таубин Р. А.* Разгром кулацкого мятежа Сапожкова / Р. А. Таубин // Борьба классов. — 1934. — № 12. — С. 56—57.

18. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.) / И. Я. Трифонов. — Ленинград : ЛГУ, 1964. — Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. — 311 с.

19. Троцкий В. В. 1920 год в Средневолжском крае / В. В. Троцкий, А. Д. Демидов. — Москва ; Самара : Госиздат, 1934. — 234 с.

A CONSTRUCTIVE BEGINNING IN PEASANT PROTEST: “RED ARMY OF TRUTH” IN BUZULUK (JULY 1920)¹

© **Dmitry A. Safonov (2020)**, orcid.org/0000-0003-0882-4592, Doctor of History, Professor, Department of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University» (Orenburg, Russia), d_safonov@mail.ru.

The question of the content of the insurrectionary protest of the 1920s is considered. The relevance of the study is due to the tendency in historiography to develop any speech of this period in two directions: analysis of program and campaign documents and understanding of the process of suppressing protest. It is proposed to highlight the aspect of the implementation of program provisions for assessing the constructive beginning in the protest movement: how realizable were the programs of the rebels, and also how the rebels managed to implement their plans. Particular attention is paid to the performance of the “Red Army of Truth” in the summer of 1920, which the author defines as “communist” and pro-Soviet. The results of a comparative analysis of sources, which by their origin are related to the insurgent environment, and real actions of the insurgents are presented in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the analysis of the actions of the insurgents is carried out without regard to the stereotypes existing in historiography and with the attraction of new facts from previously closed sources. A significant part of the plans and slogans of the “Army of Truth” were implemented in the controlled territory, which testifies to their realism. This allows us to question the well-established thesis that at that time the communist leaders in the center offered the only correct option for building a new Soviet state.

Key words: insurrection; goals and slogans; peasant protest; Red Army of Truth; implementation of plans; the policy of war communism.

MATERIAL RESOURCES

- Arkhiv UFSB po Orenburgskoy oblasti* [Archive of the FSB for the Orenburg Region]. D. 13893. (In Russ.).
- Desyatyy syezhd RKP (b): stenograficheskiy otchet* [Tenth Congress of the RCP (b): verbatim report]. (1963.). Moskva: Gospolitizdat. 915 p. (In Russ.).
- FGAOOB — *Filial Gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti v g. Buzuluke* [Branch of the State Budgetary Institution State Archives of the Orenburg Region in Buzuluk]. F. 389. Op. 1. D. 43. (In Russ.).
- KDVP — Danilov, V., Shanin, T. (eds.). (2002). *Krestyanskoye dvizheniye v Povolzh'ye. 1919—1922 gg.: dokumenty i materialy* [Peasant movement in the Volga region]. Moskva: ROSSPEN. 944 p. (In Russ.).
- NABGKM — *Nauchnyy arkhiv Buzulukskogo gorodskogo kraevedcheskogo muzeya. Kolleksiya vospominaniy starykh bolshevikov, krasnogvardeytssev i krasnykh partizan — uchastnikov grazhdanskoj vojny (1917—1921 gg.)* [Scientific archive of the Buzuluk city museum of local lore. Collection of memoirs of old Bolsheviks, Red Guards and Red partisans - participants in the Civil War (1917—1921)], 2. (In Russ.).

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-09-00149 “The phenomenon of “red” insurgency in the civil war: the contingency of ideological attitudes, military and organizational decisions (Central Black Earth Region, the Volga Region and the South Urals)”.

- OGASPI — *Orenburgskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Orenburg State Archives of Social and Political History]. F. 6002. Op. 1. D. 175. (In Russ.).
- RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [Russian state military archive]. F. 42. Op. 1. D. 905. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2013). Dokument po istorii vystupleniya «Armii Pravdy» A. Sapozhkova (1920 g.): publikatsiya [Document on the history of the performance of «Army of Truth» A. Sapozhkov (1920): publication]. In: *Krestyanskiy front 1918—1922 gg.: sbornik statey i materialov* [Peasant Front 1918—1922: collection of articles and materials]. Moskva: AIRO-XXI. 564—578. (In Russ.).
- SD — Berelovich, A., Danilov, V. (eds.). (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918—1939: dokumenty i materialy* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918—1939: documents and materials], 4/1. 1918—1922 gg. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 864 p. (In Russ.).
- Smychka (Orenburg): gazeta* [Smychka (Orenburg): newspaper]. (1927), 7 noyabrya. (In Russ.).
- SOGASPI — *Samarskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Samara Regional State Archives of Social and Political History]. F. 1. Op. 1. (In Russ.).
- Zverev, A. G. (1973). *Zapiski ministra* [Minister's Notes]. Moskva: Politizdat. 270 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshkin, P. F. (2011). Tipologicheskaya obshchnost' krestyanskogo protestnogo dvizheniya v Rossii v 1918—1922 gg. [Typological commonality of the peasant protest movement in Russia in 1918—1922]. In: *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Moskva, 12 noyabrya 2010 g.)* [Peasantry and power in the history of Russia of the XX century: a collection of scientific articles of the participants of the International round table (Moscow, November 12, 2010)]. Moskva: APR. 35—47. (In Russ.).
- Aleshkin, P. F., Vasilyev, Yu. A. (2010.). *Krestyanskaya voyna v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.)* [The peasant war in Russia under the conditions of the policy of war communism and its consequences (1918—1922)]. Moskva: Golos-Press. 575 p. (In Russ.).
- Anshakova, Yu. Yu. (1998). *Krestyanskiye vosstaniya v Srednem Povolzh'ye v 1918—1920 gg.* Author's abstract of PhD. Diss. [Peasant uprisings in the Middle Volga region in 1918—1920. Author's abstract of PhD. Diss.]. Samara: SGU. 19 p. (In Russ.).
- Anshakova, Yu. Yu. (2006). Armiya «Pravdy» nachdiva Sapozhkova [Army «Pravda» division commander Sapozhkov]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 8/3: 769—780. (In Russ.).
- Dvoynikh, A. V. (2009). K voprosu o politicheskoy programme krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [To the question of the political program of the peasant insurrectionary movement in Russia during the Civil War]. *Vestnik SamGU* [Bulletin of SamSU], 7(73): 69—72. (In Russ.).
- Dvoynikh, A. V. (2010). *Lozungi i programma krestyanskogo povstanchestva v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny.* Author's abstract of PhD. Diss. [Slogans and the program of the peasant insurrection in Russia during the Civil War. Author's abstract of PhD. Diss.]. Penza. 25 p. (In Russ.).
- Grigoryev, V. K. (1984). *Razgrom melkoburzhuznoy kontrrevolyutsii v Kazakhstane (1920—1922 gg.)* [The defeat of the petty-bourgeois counter-revolution in Kazakhstan (1920—1922)]. Alma-Ata: Kazakhstan. 176 p. (In Russ.).

- И́'ин, Ю. А. (2011). Antikommunisticheskoye dvizheniye sredi krasnoarmeytsev-krestyan v 1920 g. — nachale 1921 g. [Anti-communist movement among Red Army peasants in 1920 — early 1921]. In: *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [Towards civil society], 1—2. Available at: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. (accessed: 16.06.2020). (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2001). *Krestyanskoye dvizheniye v Povolzh'ye v 1918—1922 gg.* [Peasant movement in the Volga region in 1918—1922]. Moskva: Yanus-K. 543 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2009). *Krestyanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: on the question of the origins of Stalinism]. Moskva: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina. 575 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2013). Lozungi i programma krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny [Slogans and program of the peasant insurrectionary movement during the Civil War]. In: *Krestyanskiy front 1918—1922 gg.: sbornik statej i dokumentov* [Peasant Front 1918—1922.: collection of articles and documents]. Moskva: AIRO-XXI. 80—98. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2018). O dostizheniyakh i problemakh sovremennoj otechestvennoj istoriografii krestyanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [On the achievements and problems of modern domestic historiography of the peasant insurrectionary movement in Russia during the Civil War]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology], 24/1: 39—45. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. (1996). *Krestyanskiy brest, ili Predystoriya bolshevistskogo nepa* [Peasant Brest, or the Prehistory of the Bolshevik NEP]. Moskva: Russkoye knigoizd. tov-vo. 299 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (1999). *Velikaya krest'yanskaya vojna 1920—1921 gg. i Yuzhnyy Ural* [The Great Peasant War of 1920—1921]. Orenburg: Orenburgskaya guberniya. 316 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2018). Krestyanskoye dvizheniye v gody Grazhdanskoj vojny na territorii Yuzhnogo Urala: sostoyaniye i problemy sovremennoj rossiyskoj istoriografii [Peasant movement during the Civil War in the Southern Urals: the state and problems of modern Russian historiography]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 4 (28): 205—251. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.17. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2019). Lozungi povstancheskoy «Krasnoy Armii Pravdy» A. Sapozhkova: k probleme edinstva lozungov povstantsev 1920-kh gg. [Slogans of the insurgent «Red Army of Pravda» A. Sapozhkov: on the problem of the unity of the slogans of the insurgents of the 1920s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 4 (32): 151—166. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.11. (In Russ.).
- Taubin, R. A. (1934). Razgrom kulatskoy myatezha Sapozhkova [The defeat of the kulak rebellion of Sapozhkov]. *Borba klassov* [Struggle of classes], 12: 56—57. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1964). *Klassy i klassovaya borba v SSSR v nachale nepa (1921—1923 gg.), 1. Bor'ba s vooruzhennoj kulatskoj kontrrevolyutsiej* [Classes and the class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921—1923), 1. The fight against the armed kulak counter-revolution]. Leningrad: LGU. 311 p. (In Russ.).
- Trotskyi, V. V., Demidov, A. D. (1934). *1920 god v Srednevolzhskom krae* [1920 in the Middle Volga region]. Moskva; Samara: Gosizdat. 234 p. (In Russ.).